

ЯЗЫК

Е. Г. Руднева

ЗАСИЛЬЕ НОВЫХ СЛОВ

Аннотация. Предмет статьи — судьба русского языка в наши дни. Бывают эпохи, когда люди говорят на языке, который сохраняет свои традиционные особенности — лексику, грамматику, синтаксис. Но в иные времена язык подвергается значительному преобразению. В его словарном запасе оказываются слова, которые пришли из другой языковой среды. Нередко начинается и словотворчество, вызванное социальными событиями. Появились летательные аппараты, возникло и слово «самолет», которое стало признанным и обиходным. Сегодня в русском языке засилье иностранной лексики. Английские слова употребляются без надобности. Иногда это создает комический эффект. Автор статьи размышляет о проблемах коммуникации и понимания. Он ратует за возрождение устного слова и риторической техники.

В статье использован метод лингвистического анализа, а также компаративистский подход к новым явлениям в языке. На вооружение взят и герменевтический метод, позволяющий проникнуть в процесс словотворчества.

Тема статьи не новая. За последние годы к ней обращаются многие исследователи, педагоги, психологи. В то же время быстрая смена окружающей среды обязывает к тому, чтобы эта тема не ушла в забвение. Новизна подхода в данной статье — попытка подойти к проблеме не только лингвистически, но также в аспекте коммуникативных технологий. Можно ли добиться эффективности в общении, если язык засорен, перегружен, утратил свою первозданность, стал вычурным, лишенным коммуникативного потенциала.

Ключевые слова: филология, коммуникация, герменевтика, информация, юмор, интеллект, общение, культура, смысл, знание.

В наш прагматичный век не всегда удается додумать до конца некоторые значимые мысли. Весомость той или иной фразы мы нередко оцениваем только по тому содержанию, которое она заключает в себе. Это кажется очевидным. Рейтинг профессора определяем по его трудам, по тому, что прозвучало с кафедры. Но нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Между тем, высказанное и осмысленное — разве это одно и то же? Всегда ли нам удастся постичь неисчерпаемую глубину смысла? Положительным результатом человеческой коммуникации может служить относительно полное, либо частичное понимание. Однако важно выйти за рамки узколингвистических гипотез и приступить к комплексному изучению данного феномена.

Обычно считается, что доступность как коммуникативное качество речи обеспечивается языковыми средствами на уровне лексики и ограничивается пониманием этого качества как одного из составляющих уместности. Но разве понимание смысла речи достигается арифметическим сложением лексических значений тех

слов, которые содержатся в сообщении? Нет, оно основывается на выявлении смысла, который всегда богаче содержания слов, выстроенных в некую логическую цепочку. Представим себе четыре монолога, направленных на выражение одной и той же информации. Но что же получается в процессе коммуникации?

Капитан — адъютанту: «Как вы знаете, завтра произойдет солнечное затмение, а это бывает не каждый день. Соберите личный состав завтра в 5 часов на плацу в походной одежде. Они смогут наблюдать это явление, а я дам необходимые объяснения. Если будет идти дождь, то наблюдать будет нечего, так что оставьте людей в казарме».

Адъютант — дежурному сержанту: «По приказу капитана завтра утром в 5 утра произойдет солнечное затмение в походной одежде. Капитан на плацу даст необходимые разъяснения, а это бывает не каждый день. Если будет идти дождь, наблюдать будет нечего, но тогда явление состоится в казарме».

Дежурный сержант — капралу: «Завтра в 5 часов капитан произведет солнечное затмение

на плацу; людей в походной одежде. Капитан даст необходимые пояснения в казарме насчет этого редкого явления, если будет дождливо, а это бывает не каждый день».

Дежурный капрал — солдатам: «Завтра, в самую рань, в 5 часов, солнце на плацу произведет затмение капитана в казарме. Если будет дождливо, то редкое явление состоится в походной одежде, а это бывает не каждый день».

Этот пример из книги французского философа и культуролога Абраама Моля «Теория информации и эстетическое восприятие»¹ свидетельствует о том, что сообщение и его образ в сознании другого человека не адекватны. В процессе коммуникации, разумеется, возникает задача донести до собеседника смысл сказанного. Однако надо сразу отметить, что эта цель нереальна. Человек не является принимающим компьютерным устройством, которое вбирает и хранит полученную информацию. Общение всегда предполагает интерпретацию. Иначе говоря, то, что я услышал от другого, немедленно и творчески преобразуется мною, а вовсе не входит в мою психику в своей изначальной аутентичности.

Любопытно, как в этой связи немецкий философ Х. Г. Гадамер трактует словосочетание «вести беседу». Он показывает, что содержание разговора не сводится к произнесенным словам. Оно вообще оказывается гораздо более содержательным, нежели тот смысл, который предполагали внести в беседу. Гадамер отмечает, что «чем подлиннее беседа, тем в меньшей степени «ведение» зависит от воли того или иного собеседника»². Едва начинается общение, как спонтанная логика общения завладевает участниками коммуникации. Правильнее было бы сказать, что мы втягиваемся, или даже «впутываемся в беседу». В том, что за одним словом следует другое, в том, какие повороты, какое развитие и заключение получает разговор, во всем этом есть, конечно, что-то вроде «ведения». Однако в этом «ведении», по замечанию Гадамера, собеседники являются в гораздо большей мере ведомыми, чем ведущими. Разве это не парадокс? В известной мере, да. Но ведь никто из участников разговора не знает заранее, что «выяснится» в беседе. Вот почему достижение взаимопонимания или неудача на пути к нему подобны событию, которое случается с нами. Лишь

тогда, когда разговор завершен, мы получаем возможность судить о том, что же в итоге получилось. Выходит, разговор сам обладает волей, он ведет нас, потому что мы, участники коммуникации, пытаемся сотворить смысл.

Понятие «смысла» стало сегодня междисциплинарным. Оно используется в философии, этике, психологии и в других гуманитарных дисциплинах. При этом рождается фундаментальная оппозиция осмысленность и бессмысленность. По словам французского философа Жилья Делёза, понимание возможно только как самоутверждение смысла перед ликом бессмыслия, рождения чего-то в разворачивающемся поле ничто³. Понять, по Делёзу, означает заразиться бессмыслием, чтобы, вступив в борьбу со смертельным исходом, самому породить новый смысл.

Когда мы слушаем лектора и не можем войти в лабораторию его мысли, мы находимся в пространстве бессмысленности. Смысл не присутствует в его лекции как нечто предуготовленное, преднайденное: его следует только уловить. Напротив, постижение смысла — это оригинальный и творческий процесс. Результат понимания может оказаться гораздо более богатым, нежели то содержание, которое содержится в сообщении. Бессмыслица, таким образом, в аспекте феноменологии, понимающей психологии, в аспекте осмысленной значащей целостности выступает как некая стадия, как путь к обретению смысла.

Здесь уместно поставить вопрос: а каковы, вообще говоря, пределы понимания? Иначе говоря, можно представить себе такую ситуацию, когда посланное сообщение вообще не получит отклика, не войдет в пространство понимания. «Щекотливый вопрос» проблема человеческой глупости. Обычно философы и психологи пытаются дать собственное определение разума. Может быть, глупость это отсутствие или нехватка разума. Такой ответ был бы очень простым, но он совершенно не адекватен, ибо при таком рассуждении структура самого феномена и его социальный аспект остаются в тени.

И. Кант, родоначальник немецкой классической философии, в работе «Антропология с прагматической точки зрения» затронул проблему, связанную с критериями, позволяющими различать ум и глупость. Вслед за английским просветителем Джоном Локком Кант различал способность суждения от остроумия. Он, в част-

¹ Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. М., 1966.

² Гадамер Х.— Г. Истина и метод. М., 1988. С. 446.

³ Делёз Жиль. Критика и клиника. СПб., 2002.

ности, писал о том, что способность находить для общего особенного есть способность суждения, способность придумывать для особенного общее есть остроумие. Дело первой способности — замечать различия в многообразном, дело второй — замечать тождества многообразного. «Рассудок позитивен и разгоняет мрак незнания, писал он, способность суждения скорее негативна и направлена на то, чтобы предотвратить ошибки, возникающие при тусклом свете, в котором являются предметы. Разум устраняет источник ошибок (предрассудки) и гарантирует таким образом решение рассудка всеобщностью принципов. Книжная ученость, правда, увеличивает знания, но, если на помощь ей не приходит разум, она не расширяет понятие и понимание»¹.

Кант разделил всех людей на четыре группы. Умные люди обладают и способностью суждений и остроумием. Способность суждения, не подкрепленная остроумием, создает так называемых умников, скучных и тягостных. Остроумие без способности суждения рождает столь же утомительных остряков. Наконец, четвертые не обладают ни способностью суждения, ни остроумием — это дураки. «Остроумие ищет выдумок; способность суждения стремится к пониманию»².

Английский математик и философ Альфред Н. Уайтхед полушутя отметил, что одни люди ориентируются на приобретение знаний и не используют воображение — это ученые сухари. Другие используют воображение и пренебрегают знаниями — это глупцы. Такое разделение заставляет вспомнить древний афоризм: «Учение без размышления вредно, размышление без учения опасно». Целью обучения должен быть сплав знаний и воображения, хотя при этом есть риск получить сплав глупца с ученым сухарем. Как это ни странно, в изучении интеллекта, то есть, проще говоря, ума, психологи стыдливо останавливаются у некоей незримой черты, за которой уже властвует глупость. Быть может, дело в том, что для исследования глупости совершенно неприменим один из наиболее продуктивных психологических методов — интроспекция, то есть самонаблюдение. Никто ни психологов себя дураком не считает. Выходит, надо изучать других.

Русский язык, само собой понятно, всегда обогащался за счет других языков. Сколько слов вошло в нашу речь из немецкого, француз-

ского, татарского языков. «Тут не надо ни чего выдумывать, наоборот, достаточно лишь сказать, с каких языков переводятся фамилии: Шереметев, Юсупов, Басманов, Годунов, Кочубей, Батулин, Салтыков, Ушаков, Кармазин, Тургенев, Тимирязев, Бехтерев, Аксаков, Рахманинов, Корскаков, Чаадаев? И откуда слова — атаман, богатырь, сабля, боевой клич УРА!»³.

Однако сегодня многие иностранные слова употребляются без надобности. Скажем, слово «аутстафтинг» означает всего лишь специалистов, набранных дополнительно к штату. «Сейлз» это продавцы, «сеттинг» это расписание встреч, коуч — тренер. Эта тенденция прекрасно выражена в эпиграмме Алексея Пьянова:

*То не ужас, рождающий триллер,
Но не новый блокбастер куют,
То провайдер, инвестор и дилер
Вместе с брокером спонсора бьют.*

Многие философы стараются писать «научно». Возьмем, в качестве примера диссертацию И. В. Сидоренко «Философско-антропологическое исследование категории счастья», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук⁴. Прочитала я работу и всерьез засомневалась: не ошибаюсь ли в своем жизненном ликовании? А может быть, если подойти строго научно, получится, что я как раз самый разнечастный субъект на свете...

Ирина Вадимовна, обратившись к анналам древности, обнаружила множество разноречивых определений счастья, которые расположились в широком диапазоне — от трагического ощущения абсурдности жизни до примитивных толкований, активно внедряемых в массы. Однако И. В. Сидоренко не растерялась. Она подошла к вопросу с серьезных академических позиций. Прежде всего, Ирина Вадимовна осознала, что надо решительно покончить с этим разнобоем. И пришло блистательное решение: надо создать фелицитарную антропологию.

Впрочем, почему бы и нет? Все чаще в сферу антропологической мысли вовлекаются категории, которые еще недавно относились к этике, культурологии, психологии. Действительно

³ Шумейко Игорь. Вперед и вместе // Литературная газета. 2007. № 44. С. 4.

⁴ Сидоренко И. В. Философско-антропологическое исследование категории счастья. Дисс. ... докт. филос. н. М., 2006.

¹ Кант И. Соч. в 8-и томах. Т. 7. М., 1994. С. 258–259.

² Там же. С. 250.

спектр философско-антропологического знания значительно расширен. Но вместе с тем обозначилась попытка, заметная и в статье И. В. Сидоренко, обеспечить необходимую целостность и специфичность философско-антропологического исследования, устранить наметившуюся пестроту и калейдоскопичность, свойственную ряду других работ.

Но как этого добиться? Кое-какие соображения возникли сразу. Почему бы не замахнуться на нашего дорогого Вильяма, сами понимаете, Шекспира. Тот, окунувшись в депрессию, пишет: «Зову я смерть, мне видеть невтерпеж...» Как говорится, не нашел своего счастья. А потому что мыслил бессистемно, разрозненно, даже не категориально.

Теперь берем Н. А. Бердяева. Вот что он пишет сгоряча: «Слово «счастье» самое бессодержательное и ничего не значащее из человеческих слов. Никакого критерия и мерила счастья не существует, и никакого сравнения не может быть счастья одного человека со счастьем другого. Так же неверно, что человек есть всегда и прежде всего существо, любящее себя. Человек есть существо эгоцентрическое и эгоистическое, но это не значит, что он любит себя. Человек есть существо, мучающее себя и других и испытывающее от этого мучения наслаждение. Человек совсем не стремится к счастью. Такое стремление было бы беспредметным и бессознательным. Человек стремится к предметным благам и ценностям, обладание которыми может дать счастье и блаженство, но само счастье и блаженство не может быть сознательной целью»¹.

Хорошо рассуждал русский философ, но, ясные кегли, ошибался. С чего он взял, что счастье не может быть сознательной целью? Может, если, конечно, создать еще одну версию философского постижения человека — фелицитарную антропологию (антропологию счастья). Почему бы нет, если философская антропология действительно существует во множестве вариантов. Процесс ее дробления и интеграции определенных сфер философско-антропологических знаний, по-видимому, уже невозможно остановить.

Итак, мы находимся в исследовательском поиске. Сразу возьмем за правило: не пользоваться словами, которые не имеют ученой степени, утвержденной Высшей аттестационной комиссией. Не надо простых слов. Для начала отберем следу-

ющие категории — антропная обусловленность счастья, фелицитарный порог, фелицитарный индикатор антропологического кризиса, фелицитарная дифференциация и интеграция, фелицитарная темпоральная топология...

Слова, что и говорить, впечатляют. Но чего-то все-таки не хватает. Пошевелим мозгами и устраним эту неувязочку. К названным категориям следует применить системный анализ, структурно-функциональный анализ и моделирование. Ну, теперь кажется все. Не устоит ни Шекспир, ни Бердяев.

Читатель, поди, догадался, в каком месте я почувствовала грызущее сомнение: действительно ли я счастлив или, наоборот, страдаю от «множественности проекций человека к его многомерности и целостности?» Желание использовать интегральный подход для обнаружения типов счастья у меня, разумеется, есть. Но ведь счастье, как мне казалось, существует в безграничном множестве различных состояний и мотивов. Можно ли каким-то образом свести эту мозаику к неким идеальным типам, добиться квалификационной ясности? Можно, считает Ирина Вадимовна. Надо только дать окончательное и верное определение счастья. Иначе говоря, предложить новую целостную дефиницию, в которой сочеталось бы множество представлений о счастье. От такой интеллектуальной отваги захватывает дух. Но когда узнаешь из статьи, что такое определение может способствовать единению человечества, невольно чувствуешь себя известным бароном, который за волосы вытащил себя из болота...

Теперь, когда мы вознамерились осчастливить человечество, следует уверенно показать научной общественности, что динамика синтагматического (детерминантного, энтропийного) круга категории счастья основана на психологическом, социальном, психофизиологическом и биоритмологическом материале. Если читатель статьи отнесется к этому с полной серьезностью, он сможет вслед за будущим доктором философских наук определить минимум и максимум счастья. Ну, кто еще из маловеров не готов взвесить собственное благополучие по новым фелицитарным рецептам?

Помните этот замечательный эпизод из кинофильма «Доживем до понедельника». Школьный учитель (главный персонаж фильма в исполнении Тихонова) слушает телевизионную передачу про компьютерную музыку. Даже исполня-

¹ Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 412.

ется небольшое музыкальное произведение. Телеведущий комментирует: конечно, это еще не Моцарт, но давайте определим, что такое искусство? В этот момент пожилая мама учителя с ужасом говорит: «Неужели определит»?

Безбашенный автор представленной статьи уже не ощущает никаких преград. И. В. Сидоренко сообщает в своей работе, что необходимо пройти путь по изучению понятия счастья. Интегральный подход позволяет объединить несопоставимые друг с другом типы счастья. Вот я и думаю, как сплавить радость Бетховена по поводу завершенной симфонии с ликованием садиста-шофера, который закрыл дверцы перед запыхавшейся бабушкой. Он потом прямо рыдал от радости, когда рассказывал про это своим друзьям. Счастье, оказывается, было так возможно, так близко...

Так нужна или нет фелицитарная антропология? Может быть, и да, однако для конструирования такой разновидности антропологии, на мой взгляд, необходимо два условия. Во-первых, важно связать проблему, которая традиционно рассматривалась в этике, с раскрытием и истолкованием человеческой природы. Без этой попытки исследование может оказаться своеобразной «энциклопедией» различных суждений и интерпретаций, затрагивающих сам феномен счастья. Во-вторых, поскольку счастье — сугубо избирательно, во многом индивидуально, важно удержать в исследовании принцип выбора. («Рай только тогда рай, когда из него можно выйти»). Иначе говоря, рассмотрение данного феномена непременно требует рассмотрения и других, «полярных» категорий (страдания, аскетизма, утраты и т.д.). Без такого сопоставления философская рефлексия утрачивает метафизическое напряжение. В-третьих, счастье — феномен сугубо коммуникативный. Трудно реализовать идеал А. Шопенгауэра — достичь счастья в одиночку. Любой вариант счастья скрыто или явно предполагает наличие «другого». А это обстоятельство раскрывает еще один вариант философско-антропологического мышления.

Счастье — феномен изначально парадоксальный. Оно может быть связано с добродетелью, на чем настаивали античные мудрецы. Но может быть сопряжено и с ненавистью, исступленной злобой¹. Н. А. Бердяев писал о двух весьма интересных антропологических персонажах — гении и святом. Так вот аскет, как выясняется, может

испытывать счастье, отрекаясь от удовольствий, благополучия и комфорта. С этой точки зрения возникает вопрос: можно ли измерить счастье, ориентируясь на потенциал человеческого развития. Миллионы людей на земле считают себя счастливыми, абсолютно игнорируя всякие варианты «духовной навигации».

Совершенно очевидно, считает заведующий кафедрой русского языка РГГУ Максим Кронгауз, что родному языку мы учимся с рождения, в семье, а вовсе не на уроках. Поэтому традиционно цели курса «русский язык в школе были довольно скромны — научить детей орфографии и пунктуации, то есть, проще говоря, грамотно писать. Он считает, что есть грамотность абсолютная и относительная. Первая подразумевает знание всех правил, умение ставить в нужных местах пунктуационные значки и писать без ошибок слова. Объем, в котором это дается в программе среднего образования, большинству людей может понадобиться два раза в жизни: во время выпускных и вступительных экзаменов. В остальном же такая грамотность, если говорить честно, никому не нужна, кроме профессионально работающих с чужими текстами, корректоров и редакторов. Для всех прочих важна относительная грамотность, которая подразумевает не буквальное и непереносное следование законам, а творческое, осмысленное владение языком. Дает возможность маневра, наконец, умение «выкрутиться» в сложном случае².

Ну, скажем, если не знаешь, как поставить знак или как пишется слово, можно просто переформулировать фразу, записать ее иначе и не сделать ошибок. Относительно грамотности следовало бы учить всех, по крайней мере тех, кто сталкивается в жизни с текстами. Школа же всегда была нацелена на абстрактную идею идеальной, абсолютной грамотности, но, понятно, никогда этого не достигала.

М. Кронгауз считает, что грамотность не должна быть такой жесткой. То же самое «не» часто можно писать и слитно, и раздельно, в зависимости от того, есть противопоставление или нет. При этом противопоставление может только подразумеваться. У экзаменатора всегда есть возможность придраться к ученику. Более того, раньше еще была такая проблема: человек может быть способным физиком, математиком, но если

¹ См.: Глюксманн А. Философия ненависти. М., 2006.

² Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2008.

он не знал, отдельно или слитно пишется «не», он мог вообще лишиться возможности учиться, что абсурдно. Хотя эти знания могли ему в жизни вовсе не пригодиться, и уж точно даже при написании статей требования были бы не так строги, как на экзамене.

Известно, что Пушкин еле-еле сдал экзамен по математике в лицее, но он осознавал, что можно поверять алгеброй гармонию. Была бы официально узаконена вариативность, не ломалось бы столько копий. А мы до сих пор пользуемся сводом правил, изданных в середине 50-х годов. Они — закон в области орфографии и пунктуации, хотя все давно говорят и пишут по-другому. Скажем, мы сейчас не пишем, как рекомендовали раньше, «Родина» и «Отчизна» с большой буквы, и, наоборот, слово «Бог» прежде было запрещено писать с прописной. Таких вещей много. Раньше КГБ писали с большой буквы, а Творец (в религиозном смысле) с маленькой.

Недавно была предпринята попытка так называемой реформы правописания. Ее задачей было зафиксировать некую сегодняшнюю норму. Предлагалось ликвидировать двоянные «н» в причастиях — нынешние правило сложны и противоречивы. Упрощалось написание «слитно-раздельно» и слов «не...». Новшества не были приняты. Мотивировалось это чрезмерной радикальностью нового написания слов — «парашут» и «брошюра». В основном дискуссия свелась к этим нескольким примерам, хотя предлагались более системные и важные изменения.

В погоне за «правильнонаписанием» все остальные навыки, связанные с родным языком, в школе вообще остаются за бортом, при том, что для жизни гораздо важнее умение хорошо, красиво говорить, пусть и с некоторыми ошибками, и хорошо, красиво писать, творчески подходя к языку. Хороший оратор не тот, кто соблюдает все правила, а тот, кто умеет увлечь. Он, наоборот, допускает какие-то стилистические неточности, добиваясь этим нарушением определенного эффекта и реакции слушателей. Я как-то написала такую фразу: «в комнату заглянуло прогневанное лицо начальника». Статью напечатали, а мои коллеги-филологи стали упрекать меня за то, что «лицо не бывает прогневанным», это, мол, относится только к начальнику. Но ведь если бы я написала «в комнату заглянул прогневанный начальник» исчез бы подтекст и ирония.

Кстати, школьное сочинение когда-то было задумано именно для того, чтобы научить чело-

века свободно излагать свои мысли. Идея была совершенно погублена, как только сочинения стали оцениваться в баллах. Все стали стремиться соответствовать определенному стандарту или понравиться конкретному учителю. А вот если бы вместо отметки итог работы обсуждался бы учителем вместе с классом, пользы было бы значительно больше.

М. Кронгауз считает, что было бы замечательно возродить в школе традицию дискуссий разного рода — от научных, социальных, политических до бытовых, и это было бы нормальным обучением русскому языку и речи. Человек научился бы выражать свое мнение так, чтобы оно было понятно собеседнику, и, в свою очередь, понимать, что очень редко бывает, мнение собеседника. Чаще всего не только дети, но и взрослые не понимают собеседника. Профессор рассказывал, как он проводил со школьниками занятия при РГГУ по теории и практике коммуникации. Давал рецензии на фильмы (поскольку кино сейчас единственное, что известно более или менее всем), и надо было просто сказать — положительная это рецензия или отрицательная.

Мнение профессора, от которого он практически вел отчет, практически никогда не совпадало с мнением ребят. Девочки, например, оценивали рецензию как положительную, если в ней упоминались приятные им слова — о природе, о любви, и наоборот, если слова были неприятные, связанные с насилием, кровью, они оценивали рецензию как отрицательную, даже если в тексте недвусмысленно говорилось, что фильм хорош. То есть текст не прочитывался, а из него выбирались ключевые слова, по которым и проходила оценка. Текст оценивался как отрицательный. Это свидетельство того, что, мы, как правило, мы чужих текстов не понимаем и не очень к этому стремимся¹.

То, что можно назвать теорией и практикой коммуникации, умение говорить и писать на родном языке. Некоторые с детства хорошо говорят, другие — косноязычны, но большинство детей находится в промежуточном состоянии — говорят, но не очень хорошо, не умеют, робеют. Им нужны учитель и коммуникативные занятия. Развить способности можно у подавляющего большинства.

У поколения Интернет процветает полная неряшливость изложения. В нем слились несколько потоков, в частности, и сознательное нарушение всех языковых норм. Но ведь делать такого рода

¹ См.: там же.

ошибки может только человек, знающий правильное писание. Скажем, написать «кросафчег» нормальному неграмотному человеку никогда не пришло бы в голову. Это интеллектуальная игра образованных людей. При этом есть в Интернете масса просто неграмотных людей, которые с восторгом подхватывают эту свободу. Опасность тут существует не для нынешних юношей и девушек и уж, конечно, не для тех, кто старше, у кого языковые навыки уже сформированы, а для ребенка, который, возможно, впервые увидит написанное слово не в книжке, а на экране компьютера — того же «автора», написанного с двумя «ф» и двумя «а» — аффттар»...

Его опыт подскажет впоследствии написание, принятое в Интернете, а не рекомендованное словарями. К тому же понятно, что человек, привыкший к иной орфографии, будет неохотно читать книжки. И никакая школа с двумя уроками русского языка в неделю не сможет противостоять ежедневно доступному Интернету. И тогда возникнет поколение с другой письменностью.

Единственная надежда, что на неграмотность нынче существует мода, а моде свойственно проходить. Уже сейчас на самых крутых сайтах,

принадлежащих узкому кругу грамотных искажителей языка, идут дискуссии о том, что подлежит искажению, а что — нет. В частности, где-то уже запрещают слово «превед», такой своеобразный языковой пуризм.

Но все еще в фаворе «атцой», «ниасилил», «ржунимагу» и тому подобное. На самом деле, хотя мы и паникуем по поводу разрушения коммуникации, языкового разрыва между поколениями, это не так страшно. Стремление человека к общению, и притом к комфортному общению, все равно окажется сильнее. Слишком большой разгул свободы приводит к хаосу, но, как правило, человечество никогда не делает последнего шага. Произойдет откат. Проф. М. Кронгауз считает, что через некоторое время мы вернемся к более нормализованному письму. Возможно, останутся какие-то смешные словечки, как некий опознавательный знак определенного круга, но повальная мода схлынет через два, максимум — пять лет. Более того, он полагает, что повысится престиж грамотности. И в силу ее редкости, и в силу жизненной необходимости. Если неграмотность станет мешать учебе, карьере, наконец, жизни, человек, естественно, постарается ее преодолеть¹.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. *Философия свободного духа*. М., 1994.
2. Гадамер Х.— Г. *Истина и метод*. М., 1988.
3. Глюксманн А. *Философия ненависти*. М., 2006.
4. Гуревич П. С. Великое русское слово // *Филология: научные исследования*. 2011. № 1 (01). С. 5–6.
5. Гуревич П. С. Муки диалога (о творчестве М. М. Бахтина) // *Филология: научные исследования*. 2011. № 2 (02). С. 63–71.
6. Гуревич П. С. Ресурсы на полразговорца // *Филология: научные исследования*. 2012. № 1 (05). С. 3–4.
7. Делёз Жиль. *Критика и клиника*. СПб., 2002.
8. Кант И. *Соч. в 8-и томах*. Т. 7. М., 1994.
9. Карпов А. Н. Проблема страдания в философии Н. А. Бердяева. Автореферат дисс. ... канд. филос. н. М., 2008.
10. Кронгауз М. А. *Русский язык на грани нервного срыва*. М.: Знак, 2008.
11. Моль А. *Теория информации и эстетическое восприятие*. М., 1966.
12. Ушакова В. В. Феномен смысла как фактор развития абстрактного мышления у студентов. Автореферат дисс. ... канд. психол. н. М., 2006.
13. Шумейко Игорь. *Вперед и вместе* // *Литературная газета*. 2007. № 44. С. 4.

References (transliteration):

1. Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha*. M., 1994.
2. Gadamer Kh.— G. *Istina i metod*. M., 1988.

¹ Гуревич П. С. Ресурсы на полразговорца // *Филология: научные исследования*. 2012. № 1 (05). С. 4.

3. Glyuksmann A. *Filosofiya nenavisti*. M., 2006.
4. Gurevich P. S. *Velikoe russkoe slovo* // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2011. № 1 (01). S. 5–6.
5. Gurevich P. S. *Muki dialoga (o tvorchestve M. M. Bakhtina)* // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2011. № 2 (02). S. 63–71.
6. Gurevich P. S. *Resursy na polrazgovortsa* // *Filologiya: nauchnye issledovaniya*. 2012. № 1 (05). S. 3–4.
7. Delez Zhil». *Kritika i klinika*. SPb., 2002.
8. Kant I. *Soch. v 8-i tomakh*. T. 7. M., 1994.
9. Karpov A. N. *Problema stradaniya v filosofii N. A. Berdyaeva*. Avtoreferat diss. ... kand. filos. n. M., 2008.
10. Krongauz M. A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva*. M.: Znak, 2008.
11. Mol» A. *Teoriya informatsii i esteticheskoe vospriyatie*. M., 1966.
12. Ushakova V. V. *Fenomen smysla kak faktor razvitiya abstraktnogo myshleniya u studentov*. Avtoreferat diss. ... kand. psikhol. n. M., 2006.
13. Shumeiko Igor». *Vpered i vmeste* // *Literaturnaya gazeta*. 2007. № 44. S. 4.